

написанных языком образцовым, хотя немного бледным.

И.С. Тургенев

САЛОН А.О. СМИРНОВОЙ-РОССЕТИ*

В начале тридцатых годов драма Гюго «Эризии» на-делала много шуму в Париже. Этот шум откликнулся и в Петербурге. В самом деле, в ней много свежей поэзии, движения и драматических нововведений, в которых, может быть, нуждалась старая французская трагедия, не Расиновская, не Вольтеровская, имевшая достоинство свое, а трагедия времен Наполеона. Стихи из нового произведения поэта переходили из уст в уста и делались поговорками. В то самое время расцвела в Петербурге одна девица**, и все мы, более или менее, были военнопленными красавицами; кто более или менее уязвленный, но все были задеты и тронуты. Кто-то из нас прозвал смуглую южную черноокую девицу *Donna Sol*, главною действующею личностью испанской драмы Гюго. Жуковский, который часто любит облекать поэтическую мысль выражением шуточным и удачно пошлым, прозвал ее *небесным дьяволенком*. Кто хвалил ее черные глаза, иногда улыбающиеся, иногда огнестрельные; кто — стройное и маленькое ушко, эту аристократическую женскую примету, как ручка и как ножка; кто любовался ее красивою и своеобразною миловидностью. Иной готов был, глядя на нее, вспомнить старые, вовсе незвучные стихи Востокова и вос-клиknуть:

* Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского, т. VIII, с. 233—235.

** А.О. Россети.

О, какая гармония
В редкий сей ансамбль влита!

И заметим мимоходом, что она очень бы смеялась этим стихам: несмотря на свое общественное положение, на светскость свою, она любила русскую поэзию и обладала тонким и верным поэтическим чутьем. Она угадывала (более того, она верно понимала) и все высокое и все смешное. Изящное стихотворение Пушкина приводило ее в восторг. Переряженная и масляничная поэзия Курдюковой* находила в ней сочувственный смех. Обыкновенно женщины худо понимают плоскости и пошлости; она понимала их и радовалась им, разумеется, когда они были не плоско плоски и не пошло пошли. Женщины брезгливы и в деле искусства, у них во вкусе есть своя исключительность, свой педантизм, свой чин чина почитай. Наша красавица умела постигать Рафаэля, но не отворачивалась от Теньера, ни от карикатуры Гогарта и даже Кома. Вообще увлекала она всех живостью своею, чуткостью впечатлений, остроумием, нередко поэтическим настроением. Прибавьте к этому, в противоположность, не лишенную прелести, какую-то южную ленивость, усталость. В ней было что-то от *севильской женственности*. Вдруг эта мнимая бесстрастность расшевелится или теплым сочувствием всему прекрасному, доброму, возвышенному, или (да простят мне барыни выражение) *ощетинится* скептическим и язвительным отзывом на жизнь и на людей. Она была смесь противоречий, но эти противоречия были как музыкальные разнозвучия, которые под рукою художника сливаются в какое-то странное, но увлекательное созвучие. В ней были струны, которые откликались на все вопросы ума и на все напевы сердца. Были, может быть, струны,

* Мятлев И.П.

которые звучали пронзительно и просто неприятно, но это были звуки отдельные, обрывистые, мимолетущие. Впрочем, и эта разноголосица имеет свою раздражительную прелесть: когда сердишься на женщину — это несомненный знак, что ее любишь.

Хотя не было в чулках ее ни малейшей синей петли, она могла прослыть у некоторых *академиком в чепце*. Сведения ее были разнообразные, чтения поучительные и серьезные, впрочем, не в ущерб романам и газетам. Даже богословские вопросы, богословские прения были для нее заманчивы. Профессор духовной академии мог быть не лишним в дамском кабинете ее, как и дипломат, как Пушкин или Гоголь, как гвардейский любезник — молодой лев петербургских салонов. Она выходила иногда в приемную комнату, где ожидали ее светские посетители, после урока греческого языка, на котором хотела изучить восточное богослужение и святых отцов*.

Прямо от беседы с Григорием Назианзином или Иоанном Златоустом влетала она в свой салон и говорила о делах парижских со старым дипломатом, о петербургских сплетнях, не без некоторого оттенка дозволенного и всегда остроумного злословия с приятельницею, или обменивалась с одним из своих поклонников загадочными полусловами, т. е. по-английски *flirtation*, или *отношениями*, как говорилось в то время в нашем кружке. Одним словом, в запасе любезности ее было если не всем сестрам по серьгам, то всем братьям по *сердечной* загвоздке, как сказал бы Жуковский. Молодой русский врач С. был также в числе прихваченных гвоздем. Когда говорили о ней и хвалили ее, он всегда прибавлял: «А заметьте, как

* Неточность мемуариста отмечена одним из исследователей: Вяземский говорит о девице, расцветавшей в Петербурге в начале 30-х годов, а греческий язык Ал. Ос-на учila в 1849 году (*Н. Александров. А.О. Смирнова. Об ее жизни и характере. Ист.-лит. сборник. Посвящается Всев. Изм. Срезневскому. Л., 1924, с. 309*).

она славно кушает. Это верный признак здоровой натуры и правильного пищеварения». Каждый смотрел на нее со своей точки зрения: Пушкин увлекался прелестью и умом ее, врач С. исправностью ее желудка.

Вот шуточные стихи, которые были ей поднесены:

Вы — Донна Соль, подчас и Донна Перец!
Но все нам сладостно и лакомо от вас,
И каждый мыслями и чувствами из нас
Ваш верноподданный и ваш единоверец.
Но всех счастливей будет тот,
Кто к сердцу вашему надежный путь проложит
И радостно сказать вам может:
О, Донна Сахар! Донна Мед!*

П. Вяземский

САЛОН Е.А. КАРАМЗИНОЙ**

I

В доме Е.А. Карамзиной собирались литераторы и умные люди разных направлений. Тут часто бывал

*По словам И.С. Аксакова, скромная фрейлинская келья в 4 этаже Зимнего дворца сделалась местом постоянного собрания всех знаменитостей тогдашнего литературного мира... (Газета «Русь», 1882, № 37). Пушкин посвятил ей стихи «Ее глаза» и «В тревоге пестрой и бесплодной»; Лермонтов, И. Мятлев, В. Туманский, А. Толстой, Хомяков, Ростопчина также воспели ее в стихах. Гоголь читал у нее «Женитьбу». Сложные отношения были у нее с И.С. Аксаковым, Ю.Ф. Самарином. В настоящее время ее подлинные записки подготовляются к печати. Эта публикация окончательно выяснит вопрос о степени достоверности «записок», сделанных ее дочерью, О.Н. Смирновой (изд. «Северного Вестника», 1895, 1897). См. «Записки, дневник, воспоминания, письма» А.О. Смирновой со статьями и примеч. Л.В. Крестовой. М., 1929.

**Записки А.И. Кошелева (1812—1883). Берлин, 1884, с. 30. Воспоминания Кошелева о салоне Карамзиной относятся к концу 20-х годов (1828—1830).